

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕКАРЖИЯМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

Юля 14-го № 14. 1866 года.

— *Содержаніе.* — Климента, Александрійскаго пресвитера, Строматъ (т. е. Узоровъ) книга первая. Глава первая. — Сіе да мудрствуется въ всѣхъ, еже и во Христѣ Іисусѣ. Филии. 2. 5.

Климента, Александрійскаго пресвитера,

СТРОМАТЪ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предисловіе, излагающее (хоть начало утрачено), нужно ли писать, и что? кому писать? какова должна быть цѣль писателя? За тѣмъ показывается, для чего онъ самъ принялся за составленіе записокъ своихъ?

..... Чтобы всегда имѣлъ ихъ подъ рукою и руководствовался ими. Впрочемъ, не лучше ли вовсе запретить, или можно нѣкоторымъ дозволить писать? И если допустить первое, то какая польза письменъ? а если второе, то нужно позволить писать или людямъ хорошимъ (σπουδαίους), или нѣтъ. Смѣшно, конечно, отвергнуши писанія людей добрыхъ, допускать къ писательству людей иного свойства. И вотъ, къ стыду, допустимъ писать Θεοπομπα и

Тимея (¹), сочиняющихъ басни и богохуленія, затѣмъ — Епикура, начальника безбожія (²), и еще Гиппоакса и Архилоха (³): а тому, кто возвѣщаетъ истину, ужели воспретимъ оставить полезное потомкамъ? Я считаю прекраснымъ и честнымъ дѣломъ оставить по себѣ родамъ грядущимъ добрыхъ дѣтей; а кромѣ дѣтей по тѣлу есть и потомство души—слова. Посему мы называемъ отцами и тѣхъ, которые наставляли насъ живымъ голосомъ (⁴). Такъ мудрость общительна и человѣколюбива! Соломонъ говоритъ: *сыне! аще примѣ глаголъ моя заповѣди, скрѣши въ себѣ, то ухо твое послушаетъ премудрости* (Притч. 2, 1--2). Указываетъ онъ, что сѣемое слово скрывается въ душѣ ученика, какъ въ землѣ; это-то и есть духовное сажденіе (φύτεῖα). Посему и продолжаетъ: *и приложиши сердце твое къ уразумѣнію, и приспособиши его* (свой смыслъ) *въ наставленіе сыну твоему*. Ибо душа съ душою и духъ съ духомъ, соединяясь сѣяніемъ слова, множатъ и растятъ брошенное (какъ бы въ землю); и всякій наставляемый, доколѣ повинуется наставляющему, есть сынъ. *Сыне, говоритъ, моихъ законовъ забывай* (Притч. 3, 1).

(¹) *Теопомъ* историкъ, баснословный и клеветливый, жилъ за 300 л. до Р. Х. *Тимей* отъ современниковъ и потомства заслужилъ названіе безчестнаго клеветника; почти современникъ первому.

(²) *Епикуръ*, глава эпикурейской школы, жилъ за 270 л. до Р. Хр.

(³) *Гиппоаксъ* (за 540 л.) и *Архилохъ* (660 л. до Р. Х.), оба ямбическіе стихотворцы, извѣстны извѣстностью и ѣдкостью насмѣшекъ. Книги Архилоха были запрещены въ Спартѣ, какъ вредныя для нравственности.

(⁴) Св. Приней въ 4-й кн. противъ ересей: «наученный кѣмъ ибудь называется сыномъ учителя, а этотъ—отцомъ его». И Златоустъ: «званіе отца пріобрѣтается и хорошимъ ученіемъ». Древній еврейскій обычай называть учителей отцами: 4 Цар. 2, 12. Сн. Филии. 10. Гал. 4, 19.

Но не всёмъ принадлежитъ вѣдѣніе (сн. Рим. 10, 2—3), и иные также смыслятъ, какъ осель понимаетъ игру на лирѣ, по пословицѣ⁽⁵⁾, которая указываетъ отношеніе многихъ къ писаніямъ. Известно, что свиньи находятъ больше удовольствія въ болотѣ, чѣмъ въ чистой водѣ. *Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще невидятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумютъ* (Мѡ. 13), говоритъ Господь. Не потому (невидѣли и неразумѣли), чтобы Господь былъ виновникомъ ихъ слѣпоты и глухоты, потому что думать такъ—нечестиво; нѣтъ! Господь прозрительно (сн. 13 ст.) обличалъ присущее имъ, дѣйствительное ихъ невѣжество, и указалъ слова пророка, что они не поймутъ говоримаго имъ (Ис. 6, 9—10). И еще (изъ другой притчи) усматривается образъ дѣйствій Спасителя, который изъ своего обилія, по силѣ пріемлющаго, распредѣляетъ рабамъ таланты для пріумноженія оборотами; внезапно воротившись, входитъ въ расчетъ съ ними, и тѣмъ, которые умножили ввѣренное имъ и въ маломъ оказались вѣрными, пообѣщавши бѣльшее начальство, велѣлъ внити въ радость Господа своего, а тому, который данное ему для приращенія сребро скрылъ, и возвратилъ его безъ всякой прибыли, сказалъ: *лукавый рабе и лѣнивый! подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Мѡ. 25, 26—27). За то непотребный рабъ вверженъ будетъ во тьму кромѣшную. Ты же, говоритъ ап. Павелъ, *возмогай во благодати, яже есть о Христѣ Иисусѣ: и яже слышалъ еси отъ мене мно-*

(5) Древняя пословица: ὄνος λόρας ἀχροατῆς.

ими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ челоѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити (2. Тим. 2, 1—2). И опять: потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины (15 ст.).

Итакъ, если оба (и пишущій, и говорящій) проповѣдуютъ слово, одинъ—писаніемъ, а другой—живымъ голосомъ: почему не допускать дѣйствовать обоимъ, когда они учатъ вѣрѣ, споспѣшествуемой любовію? — а въ преступленіи того, кто избралъ лучшаго, Богъ совершенно неповиненъ. Тѣ обязанности сказать слово, а эти—одобрить, принять, или нѣтъ. Судъ совершается ими самими. Но умѣнье проповѣдывать, — наука нѣкоторымъ образомъ ангельская ⁽⁶⁾, приносящая пользу какимъ бы образомъ ни дѣйствовала, рукою (пишущею) или языкомъ: пот. что *снѣй въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный; доброе же творяще, да не унываемъ* (Гал. 6, 8—9). И кто Божиимъ промысленіемъ, стяжалъ это умѣнье, тотъ сообщаетъ величайшія блага—начало ⁽⁷⁾ вѣры, желаніе правой общественной жизни, стремленіе къ истинѣ, побужденіе къ изслѣдованію, стезю знанія; сказать въкратцѣ — такой челоѣкъ

(6) Возхваляя проповѣдничество, Климентъ называетъ его *наукою ангельскою* (ἐπιστήμη ἀγγελική). Ангель на греческомъ языкѣ значитъ *вѣстникъ*; проповѣдникъ евангелія, т. е. благой вѣсти объ отпущеніи грѣховъ, нашемъ искупленіи и спасеніи, есть какъ бы ангель, потому что распространяетъ между людьми ту же *вѣсть*, какую сперва принесли на землю ангелы: Лук. 1, 26 и дал. 2, 10.

(7) Проповѣдь—начало вѣры, потому что вѣра начинается отъ слышанія проповѣди; съ вѣрою—желаніе правой жизни и пр. Проповѣдь указываетъ стезю знанія; пот. что когда вѣра произошла отъ слуха, тогда съ вѣрою пріобрѣтается и познаніе Бога; так. обр. чрезъ проповѣдь—стезя знанія.

даеть (другимъ и себѣ) средства спасенія. А люди, лицемѣрно воспитанные словами истины (1 Тим. 4—6), принявши напутіе жизни вѣчной ⁽⁸⁾, возлетаютъ къ небесамъ ⁽⁹⁾, и какъ дивно, поему, выражается апостоль: *во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги — яко нищы, а многи богатяще, яко ничтоже имуще, а вся содержаще; уста наша, отверзошася къ вамъ* (2 Кор. 6, 4. 10. 11). И пища къ Тимофею, говорить: *засвидѣтельствую предъ Богомъ и Христомъ Исусомъ и избранными ангелы, да сія сохраниши безъ лицемѣрія, ниче соже творя по уклоненію* (1 Тим. 5, 21).

Потому необходимо тому и другому испытывать себя самихъ: одному, достоинъ ли говорить и оставлять послѣ себя записи? а другому, способенъ ли слушать и читать? Подобно тому, какъ бываетъ съ Евхаристіею, которую нѣкоторые (т. е. священники), по обычаю, раздробляя, позволяютъ всякому изъ народа принимать часть ея. И наилучшее средство къ точному выбору—чего нужно удаляться и что избирать—есть совѣтъ. А надежное основаніе ея есть правая жизнь съ подобающимъ ученіемъ; наилучшее жъ средство понимать истину и исполнять заповѣди состоитъ въ послѣдованіи другимъ, уже одобреннымъ, опытнымъ и праведно пожившимъ. Отсюда: *иже аще ястъ хлѣбъ сей, или пьетъ чашу*

⁽⁸⁾ *Εφοδια ζωής αἰδίου λαβόντες...* т. е. возродившись таинствомъ крещенія и питаея таинственнымъ тѣломъ и кровію Христа Спасителя.

⁽⁹⁾ Чтобы кто неподумалъ, будто спасеніе и счастье христіанъ состоитъ въ мірскихъ вещахъ, Климентъ говорить, что они, просвѣтившись истиною, не по землѣ пресмыкаются, а *горь имѣють сердца*, стремятся къ премірнымъ благамъ.

Господню недостойнъ, повиненъ будетъ Тѣлу и Крови Господа; да искушаетъ же человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ (1 Кор. 11, 27—28). Значить, нужно смотрѣть: взявшійся за учительство изъ числа ли имѣющихъ въ виду пользу ближнихъ, или приступилъ къ этому дѣлу по наглости и ревности (зависти)? сообщая слово, не ищетъ ли только славы? или взираетъ только на одну награду—спасеніе слушателей—и ничего не говоритъ съ лестію? а вѣщающій чрезъ писанія не виновенъ ли въ страсти къ стяжаніямъ? Апостоль говоритъ: *никогдаже бо въ словеси ласканія быхомъ къ вамъ, якоже вѣсте, ниже въ винѣ лихоуманія; Богъ свидѣтель! ни ищуще отъ человекъ славы, ни отъ васъ, ни отъ иныхъ. Могуще въ тяготѣ быши, якоже Христовы апостолы: но быхомъ тиси посредъ васъ, якоже доулица ернетъ своя чада (1 Сол. 2, 4—7).* Подобно и причастникамъ божественныхъ словесъ ⁽¹⁰⁾ нужно остерегаться: не приступаютъ ли къ этому дѣлу изъ нечестныхъ цѣлей и одного любопытства, какъ бы для согляданія городскихъ зданій? не приходятъ ли (къ намъ) ради мірскихъ выгодъ, слыша, что посвятившіе себя Христу охотно дѣлятся вещами, необходимыми въ жизни? Но это—лицемѣры, и потому ихъ нужно отсылать отъ насъ. А если кто хочетъ быть праведнымъ, не казаться только, тому нужно имѣть наилучшую совѣсть. И если *жатва многа, а дѣлателей немного*, то воистинну нужно *молить* (Господа), чтобъ у насъ было много дѣятелей (Мѡ. 9, 37).

(Продолж. будетъ).

⁽¹⁰⁾ т. е. людямъ, желающимъ слушать проповѣдь и учиться истинамъ слова Божія.

*Сіе да мудрствуется въ васъ, еже
и во Христъ Іисусъ.*—Филип. 2, 5.

Не узокъ, не тѣсенъ ли кругъ мудрствованія, начертываемый Апостоломъ? Къ чему, скажутъ любомудры, такія ограниченія свободы мысли? Мудрость—плодъ свободы, и живетъ ею,—пусть каждый мудрствуетъ, о чомъ и какъ хочетъ. Стѣсняя мысль, ограничивая область мудрствованія, опредѣляя ее правилами, назначая предметъ мудрствованія и задачи ей отвѣтъ,—убиваемъ мысль, лишаемъ ее свободы въ достиженіи «точныхъ» выводовъ (т. е. условливаемыхъ необходимо самимъ предметомъ). Мудрость должна быть самозаконна и носить сама въ себѣ цѣль, или если отвѣтъ данную, то опредѣляемую все же ея собственнымъ движеніемъ и успѣхами. Иное дѣло область вѣры, иное — свободной мысли. Пусть вѣритъ, кто вѣритъ можетъ,—наука неотнимаетъ права свободы отъ изслѣдованій и отрицаетъ то, что не опирается на точныхъ началахъ опыта и наблюденія. Соединять науку и мудрость христіанскую — значитъ соединять вещи несоединимыя, неимѣющія между собою сродства и взаимнаго тяготѣнія». Вотъ наиболѣе часто слышимыя нынѣ мысли о мудрствованіи, не скажемъ всеобщія, но нерѣдкія.

Этотъ фактъ разъединенія религіознаго сознанія съ научнымъ—есть ли онъ признакъ здороваго развитія научнаго сознанія, отстаивающаго свою свободу, или—свидѣтельство недостатка разумнаго пониманія задачъ науки и жизни, дѣло увлеченія самозабвенія, — опредѣлить легко даже для пов-

носнаго общаго взгляда на исторію науки и ея современное состояніе. Непогрѣшимъ противъ истины и исторіи, если скажемъ, что знаніе всегда тяготѣло къ религіи и всегда шло неразлучно съ развитіемъ религіознаго сознанія, и чѣмъ далѣе восходимъ, тѣмъ крѣпче, сильнѣе, очевиднѣе была эта связь, — даже болѣе: знаніе всегда искало себѣ опоры и покровительства въ послѣднемъ. Мудрость язычества всегда имѣла цѣлыя сферы высшихъ существъ, ей покровительствовавшихъ. Правда, далекіе оба, покровительствующій и руководимый, отъ истины, они были ложны, но для насъ важно это общее, какъ бы инстинктивное выраженіе потребности вышаго освященія для знанія, какъ естественное выраженіе внутренней потребности ума.

Міръ христіанскій живетъ иною жизнію. Истина положительная, Христова, свѣточъ разума, — открыта всѣмъ; стремленія и жажда человѣка къ истинѣ нашли вѣрнаго руководителя въ ней. Значить, тѣмъ необходимѣе теперь единство ихъ, тѣмъ болѣе основаній для подчиненія мысли разуму вѣры. Въ этомъ единствѣ залогъ ея благотворности, силы, общественаго и научнаго значенія, основаніе ея истинности и правды. Многорѣчивый опытъ исторіи указываетъ намъ на дѣйствительные факты, что гдѣ мысль стремилась незаконно совершенно отрѣшиться отъ религіи, тамъ горькіе плоды ея самозданной независимости тяжело отозвались навсѣхъ сферахъ развитія, ицѣлыя націи содрогались и колебались въ тѣхъ буряхъ, какія вызывала эта, такъ называемая, свобода мысли.

Наше время гордится мудростью, хвалится независимостью мысли, свободою изслѣдованій, гор-

деливо идетъ оно подъ знаменемъ опыта, наблюденія и наведенія — этихъ трехъ орудій современной мысли, часто въ разрѣзъ съ положительнымъ откровеніемъ вѣры; называя себя вѣкомъ сомнѣнія, скептическимъ и вмѣстѣ положительнымъ, онъ неохотно обращается къ отвлеченному даже мышленію и совсѣмъ отрицательно къ тѣмъ сферамъ сознанія, гдѣ мысль безсилна и должна смирить себя предъ тѣмъ, что для нея недоступно, неразрѣσιμο, — нѣтъ! онъ все стремится, все пытается измѣрить, извѣсить, разложить, осязать; настойчиво протестуетъ онъ противъ авторитета и хочетъ создать свою науку, все сломать, все перестроить по своему, открыть новые и невѣдомые еще пути мысли и знанію. Не радость, не торжество, но скорбь и горечь вызываютъ въ мыслящемъ человѣкѣ эти «смѣлая» цѣли, громадныя задачи, невыполнимыя предначертанія; лучше люди нашего времени тревожно внимаютъ голосу расходившейся мудрости, — въ этомъ волненіи слышится шумъ *глаголовъ потопныхъ*; мудрость новаго міра повторяетъ старое безуміе и хочетъ стать притчею поколѣній грядущихъ, — это гремящее всюду — *сотворимъ имя себѣ*, (Быт. II, 7) задача — построить столпъ учености — невиданный, колоссальный, и тѣмъ увѣковѣчить имя себѣ, напоминая невольно безуміе столпотворителей, разсѣянныхъ по лицу земли во времена праотцевъ древнихъ. И потому нынѣ особенно благовременно, — ибо наститъ нужда, — поучиться мудрости мірекой у источника истины божественной, дабы знаніе разума соединилось съ вѣденіемъ вѣры и въ единствѣ семъ споспѣшествовало достиженію тѣхъ цѣлей, какія но-

ситъ въ себѣ умная природа человѣка и какія начертаны ей Творцомъ бытія и знанія.

Sic da мудрствуется въ васъ, еже и во Христъ Исусъ. *Мудрствуется*—неотрицается мудрость, не безгласна, небезмолствуетъ, — она законное проявленіе разума въ человѣкѣ и освящена Создателемъ, и человѣкъ даже приглашается мудрствовать; этимъ должны быть довольны любомудры, которые полагаютъ, не дознавъ точно, будто мудрствованіе осуждается и отрицается въ ученіи Слова. Но вотъ и камень преткновенія для нихъ—*sic da мудрствуется*.. Зачѣмъ это указаніе? Отъ чего не просто мудруйте?

Уразумѣемъ теперь внимательно, нужно ли, и для чего нужно это обязательное для мудрости указаніе пути, и опредѣлимъ точнѣе смыслъ и значеніе свободы въ дѣлѣ мудрствованія, свободы, которую такъ горячо отстаиваютъ ея адепты: уразумѣемъ въ томъ чаяніи, что отыщемъ въ семъ указаніи правду и истину,—*глаголь, отъ Бога изшедшій, невозвратится тоу къ Нему.*

Кто можетъ назвать себя мудрецомъ на землѣ, полнымъ обладателемъ мудрости, назваться по заслугѣ, безъ самохвальства? По истинѣ никто. Если древній философъ, захотѣвшій съискать «человѣка», напрасно трудился, то тѣмъ менѣе надежды на успѣхъ можетъ имѣть искатель мудреца. И самая мудрость, столько для насъ привлекательная, что она такое? *идъ обрътается? какое мѣсто есть видный?* *Не всть чловѣкъ пути ея, ниже обрътеса въ чловѣцъхъ* (Лов. 28, 13), вотъ умный отвѣтъ тѣмъ, для которыхъ единственный источникъ мудрости—человѣкъ самъ; онъ приѣмлетъ истину, но не въ немъ

источникъ ея. Но вотъ новый источникъ мудрости— въ природѣ. Испытатель ея, разлагая мертвую по себѣ природу, хочетъ доискаться основъ бытія, и на нихъ создать вѣдѣніе. *Но бездна рече— нѣтъ во мнѣ, и море рече— нѣтъ со мною* мудрости (Іов. 21—14). Матерія, какъ и вся природа, мертва сама по себѣ и безмолвствуетъ, *утаится отъ всякаго чловѣка и отъ птицъ небесныхъ скрыся* премудрость (—21); нагуба и смерть рекоша, — слышахомъ ея славу. Гдѣ же она, у кого искать ея? *Богъ благо позна путь ея, Онъ, и только Онъ одинъ, видѣ ю и поведа ю, уготовавъ изслѣди* (Іов. —25). Итакъ, Онъ, и только Онъ одинъ, можетъ законно начертывать пути ей и рубежи.

Обратимся ли къ предметамъ вѣдѣнія, — непредубѣжденный взглядъ встрѣтитъ и здѣсь ту же потребность высшаго указанія и руководства для мудрости. Въ насъ есть жажда знанія, потребность мысли; но она безразлична, въ предметномъ смыслѣ. Сталкиваясь съ міромъ познаваемымъ, она встрѣчаетъ такое громадное обиліе предметовъ, столько между ними предметовъ, недоступныхъ пониманію, равно зависящихъ отсюда недоразумѣній и противорѣчій, что, безъ чужаго указанія и руководства, ни достигнуть знанія, ни правильно даже развитъ мыслящія способности чловѣкъ не въ силахъ; отъ того знаніе часто измѣняется, каждый вѣкъ приноситъ свое міровоззрѣніе; одно пониманіе смѣняется другимъ, и— нѣтъ ничего достовѣрнаго, непоколебимо прочнаго въ этихъ попыткахъ чловѣческой мысли. Испытатели естества ищутъ точныхъ истинъ для основъ знанія. Слово Божіе— вотъ истина точная, неизмѣнная, непреходящая истина мысли и дѣла.

Небо совьется, какъ риза, и земля обетщаетъ бытіемъ, а эта истина не измѣнится. Тутъ нѣтъ гипотезъ, но есть положенія и простыя, повидимому, мысли, которыя нужно только уразумѣть, дабы не колебаться болѣе. Каждой изъ такихъ истинъ станетъ на всю жизнь человѣка. Раскроемъ скрижали вѣковой исторіи мысли, — опытъ жизни, говорятъ, лучшій учитель, не увидимъ ли и здѣсь оправданія необходимости указанія для мудрости человѣческой путей свыше. Ясно звучитъ и повсюду слышится эта потребность мысли, несется она въ безчисленныхъ отголоскахъ по всемъ временамъ и мѣстамъ, и пронесется даже до послѣднихъ дней мысли человѣческой, и только не хотяшій знать, или неимѣющій слуха и видѣнія, не узритъ и не услышитъ ея.

Исторія мысли — это картина саморазрушенія ея: смѣна теорій, системъ, міровоззрѣній, противорѣчій, нападки, отрицанія, новое созиданіе на развалинахъ и таже участь послѣдней, всегдашнее стремленіе сказать послѣднее слово, — это картина безконечнаго движенія къ новому, плаваніе безъ пристани, стремленье безъ конца, попытки безъ точки опоры и безъ основъ незыблемыхъ. Медленно, невѣрно, неровно и съ частыми перерывами прядеть человѣкъ нить знанія. И среди этой неурядицы слышатся голоса искателей мудрости, не вопль отчаянія, но грустная безнадежная жалоба на эту смѣну и хаотическое движеніе мысли, слышится сознаніе безсилія и потребность высшаго руководства. Мудрѣйшій изъ мудрыхъ сознается въ незнаніи, и цѣлыя общества чувствуютъ пустоту мысли, всегда стремящейся къ новому и никогда необладающей

ни чѣмъ вѣрнымъ, — истиною. Въ такомъ-то состояніи находились во времена апостольской проповѣди Аѳины, — этотъ храмъ и родина всей языческой мудрости, — тамъ тогда *ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое* (Дѣян. 17, 21), и самая эта потребность даже коснулась религіознаго сознанія, — среди многолюднаго города стоялъ храмъ Невѣдомому. Наше время также жаждетъ новаго, гоняется за невѣдомымъ, восторженно увлекается открытіями и готово все бросить, отвергнуть, что не носитъ на себѣ печати новизны. Это знаменіе времени. Какъ пустота и безсмысліе умственного труда языческаго міра только въ христіанствѣ нашли себѣ истинный путь, такъ и современное лихорадочное напряженіе мысли, эта неумолкаемая потребность новизны, безсодержательная и безъ прочныхъ основъ, только въ христіанствѣ, и въ немъ одномъ, можетъ найти успокоеніе и то указаніе истинной и здорово направленной дѣятельности мысли, которое одно въ состояніи вести человѣка къ свѣше предначертанной ему цѣли въ ряду разумно свободныхъ существъ. Исторія даетъ намъ и образъ — это философъ (Іустинъ), затѣмъ мученикъ и исповѣдникъ; — ища истины, слушалъ онъ веѣ школы своего времени, и нигдѣ не нашелъ мудрости, пока не нашелъ христіанства, и въ немъ успокоенія. Только съ этихъ поръ стали ясны мудрецу задачи жизни, и въ мантии философа, съ орудіемъ слова и мысли, онъ обходилъ тогдашній міръ, съ радостію торжественно возвѣщая всѣмъ живой источникъ истины слова. Такъ разумно и необходимо искать мысли земнородныхъ указанія и руководство въ словѣ мудрости небесной.

Но вотъ намъ слышатся голоса за свободу мысли. Свобода! привлекательное слово, съ весьма неопредѣленнымъ содержаніемъ. Едвали найдется слово другое, которое подвергалось бы болѣе разнообразнымъ и противорѣчивымъ толкованіямъ, чѣмъ свобода. Если бы вздумалъ кто соединить для опредѣленія ея всѣ эти различія, то нужно бы вовсе въ ней усомниться. Но она есть, и не мечта, не несбыточная мысль; потребность свободы—законная, человѣческая потребность. Она, учатъ любомудры, есть сила самоопредѣленія въ человѣкѣ, дѣйствовать независимо отъ побужденій внѣшнихъ, по сознательному представленію извѣстной цѣли, и есть даръ природы. Вѣрно въ умозрѣніи, и было бы вѣрно въ опытѣ это опредѣленіе свободы, если бы чиста была природа человѣческая и носила сама въ себѣ ручательство свободы. А какъ вѣковой опытъ человечества и частный опытъ каждаго доказываетъ противное, то свобода въ этомъ смыслѣ можетъ существовать только въ понятіи, а въ жизни — она своеволіе. Злоупотребитель свободы, старшій человѣкъ, научилъ человѣка незаконно расширить область свободы своей, и вмѣсто того онъ утратилъ ее, и вотъ она стала призрачна, невѣрна. Разумѣется, какъ сила, или лучше какъ возможность—свобода неуничтожима, какъ сама душа, которой она составляетъ существенную способность; но въ дѣйствительности человѣкъ сталъ порабощенъ; въ немъ кромѣ закона свободы возникъ законъ во удѣхъ, законъ плоти, рабства. Дѣйствительную свободу человѣкъ пріобрѣтаетъ только по указанію и при помощи обновителя естества человѣческаго и совершителя на-

шего спасенія, Иисуса Христа, —эта свобода основана на истинѣ (Іоан. 8, 35) и есть истинная свобода.

Итакъ, съ новой свободой нераздѣльна истина — чего лучше для мысли, для развитія человѣческаго? Свобода должна быть законна и не стѣсняться закономъ, носить его въ себѣ и не слышать тяжести, такъ быть должно, ибо природа свободы — законъ. Это не противорѣчіе, но глубокая истина жизни, — что истина Христова есть иго, но благое какъ само счастье; есть бремя, но легкое и удобоносимое, по легкости непримѣтное для носящаго. Это состояніе человѣка, достигшаго мѣры возраста во Христѣ; потому говорится, что законъ не для праведныхъ. Но это уже высота совершенства, — труденъ путь къ нему. Для этого нужно развить въ чистотѣ законность въ природѣ поврежденной, — задача, выполняемая только подъ условіемъ высшаго указанія, пособія и руководства. Мы видѣли уже и видимъ нынѣ горькіе плоды попытокъ самозаконной свободы мысли, въ независимости не свободы, но произвола, тщетныя и потому жалкія попытки — создать свободу помимо откровенія и вѣры.

Итакъ благо для мудрствованія указаніе пути свыше, разумно и необходимо, и не низко для мысли сіе руководство, не *мудрець*, имя великое для человѣка ничтожно предъ Богомъ, но сама мудрость и истина (Іоан. 14, 6) начертываетъ сей кругъ. И какой великій, необъемлемый, неизчерпаемый кругъ — мудрствовать еже и во Христѣ Иисусѣ! Не о тѣснотѣ его невольно возникаетъ мысль, а о невозможности наполнить его. Познакомимся съ этою мудростію, — дѣло стоитъ труда, ибо вознаграждаетъ сторицею

Средоточіе ея—высшее боговѣдѣніе, исповѣданное Единороднымъ (Іоан. 1, 18), давшимъ человѣку *свѣтъ* и *разумъ* для сего познанія (Іоан. 5, 20), недоступнаго человѣку по себѣ. Сравнитея ли мудрость сыновъ земли, земнородныхъ, съ сею мудростію въ высотѣ, широтѣ и глубинѣ предмета, въ достоинствѣ источника, истинности познанія, во всеобъемлющемъ его значеніи, и—во всѣхъ достоинствахъ, приличныхъ мудрствованію? Любомудры часто говорятъ объ убѣжденіяхъ, о необходимости «проводить въ жизнь» выработанныя разумомъ начала взгляды: можетъ ли что съ этой стороны въ знаніи человѣческомъ стать въ уровень съ мудростію, яже и во Іисусѣ Христѣ? Скажутъ, это смѣшеніе понятія добра и истины, знанія и жизни, мысли и дѣла; иное дѣло теорія и совсѣмъ иное частныя явленія въ средѣ жизни,—послѣднія нерѣдко характера исключительнаго; жизнь вообще трудно поддается формуламъ научныхъ теорій, она не слагается по программамъ, и мѣшать эти двѣ области нераціонально. Но въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣютъ слова объ «убѣжденіяхъ»,—громкія, но тѣмъ не менѣе пустыя фразы? Но нѣтъ, это не фразы, а законное требованіе сознанія и жизни. Отрицать его—значить отрицать право на существованіе даже научныхъ стремленій, какъ занятій бесполезныхъ, труда можетъ быть и увлекательнаго, но непродуктивнаго. Истина повѣряется жизни, дѣло—истина жизни. И что такое общество, общее благо, гдѣ ихъ цѣль и какая? Оставьте одно знаніе—для чего оно? Любите вы свѣтъ, такъ не забывайте же ея,—безъ него и свѣта нѣтъ. Практика—лучшая повѣрка

знанію, вѣрная и безпристрастная оцѣнка теоріи. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ, или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ: ибо дерево узнается по плоду (Мѡ. 12, 33). Не отъ того ли удаляется знаніе отъ практической повѣрки, что горькіе плоды даетъ? Не отъ того ли ли бѣжитъ столкновенія съ жизнью, что оно для него опасно, или потому, что вовсе не можетъ похвалиться своимъ характеромъ, и самозаконная мудрость ничего не можетъ противопоставить достойнаго знанію, еже и во Христѣ Іисусѣ?

Въ этомъ послѣднемъ нетрудно убѣдиться, стоитъ только сравнить существенный характеръ и основныя черты того и другаго. Вотъ черты практическаго характера мудрости христіанской—она *чиста, мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и плодовъ добрыхъ, безпристрастна и нелицемѣрна* (Іоан. 3, 17),—эта мудрость сама добродѣтель. Обращаемся къ новому знанію человѣческому. Оно не можетъ прежде всего похвалиться чистотою, ибо совсѣмъ чуждо источника ея, живетъ не разбирая средствъ, хороши-ли, худы-ли они; не любитъ оно и мира, мятежно все стараясь передѣлать по своему; надменно глядитъ оно на скромность, считая ее недостойною человѣка и съ презрѣніемъ—на послушаніе, смѣшивая его съ рабствомъ, называя уничиженіемъ человѣческаго достоинства; не можетъ похвалиться милосердіемъ, ибо въ основу дѣятельности полагаетъ самолюбіе, эгоизмъ, и исторически запечатлѣваетъ путь свой гибелью, бурями мятежей, борьбы, разрушенія, кровавыми жертвами своеволія и убійства; хвалясь безпристрастіемъ, оно изъ предубѣж-

денія противъ авторитета, безъ достаточныхъ оснований, нерѣдко отвергаетъ достовѣрное, но или недостаточно понятое или неподходящее подъ узкую мѣрку опыта и осязаемой дѣйствительности, и убѣгая одного, увлекается новымъ авторитетомъ--опыта, нерѣдко сомнительнаго, неопредѣленнаго, часто недостаточнаго и неполнаго, какъ непрерываемымъ указателемъ, даже и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ невозможенъ. Вообще, будемъ ли мы созидать жизнь или научное знаніе на однихъ началахъ свободнаго разума, у насъ выйдетъ знаніе непрочное, невѣрное, несовершенное. Не то въ мудрости, яже во Христѣ Иисусѣ. *Полное* осуществленіе началъ сей мудрости и всѣхъ ея требованій въ цѣломъ обществѣ земнородныхъ, какъ и каждаго отдѣльно, невозможно здѣсь, въ воинствующемъ царствѣ, оно откроется безусловно только въ торжествующемъ. Но если мы даже только будемъ стремиться къ нему, имѣть предъ очами этотъ великій образъ и по немъ предначертывать себѣ жизнь,—то такое созиданіе безспорно будетъ выше, прочнѣе и совершеннѣе всякаго человѣческаго. Разумъ и наука—вотъ высшая, говорятъ, сила человѣка—въ нихъ его спасеніе. Но не должно забывать, что скипетръ науки данъ Европѣ, когда уже она одною рукою держала крестъ. Такъ называемая гуманность и человѣколюбіе (филантропія), составляющія болѣе существенныя черты стремленій лучшихъ представителей современнаго міра,—ужели она не есть для міра даръ христіанства? Этого никто отрицать не можетъ. Языческому міру она совершенно была чужда; человѣку естественному принадлежитъ развѣ извращеніе ея. Современ-

ное общество мало заботится о душевномъ царствѣ; для него человѣкъ не свободное существо и нравственное, а экономическая сила, — у такого общества внутренность желѣзная и мѣдная, какъ у машины. Великія слова — «человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ» — не имѣютъ смысла для этого общества и того юнаго поколѣнія, которое оно воспитываетъ въ матеріализмѣ интересовъ и атеизмѣ сердца. Но посмотрите, чѣмъ наиболѣе всего страдаетъ это общество, гдѣ его самая слабая сторона? Эта мрачная сторона его — страшный пролетаріатъ, нищенство, милліоны голодныхъ безкровныхъ человѣческихъ существъ, умирающихъ съ проклятіемъ человѣчеству и его гуманности на устахъ. Этотъ такъ называемый «соціальный вопросъ» — проблема, надъ рѣшеніемъ которой бесполезно трудится, язва — которой ничто уже не можетъ противодѣйствовать, какъ застарѣлой и разившейся, это для современнаго общества загадочный сфинксъ, который каждый день требуетъ новыхъ жертвъ себѣ, и до сихъ поръ нѣтъ того Эдипа, который бы принесъ спасительное рѣшеніе и сбросилъ со стѣны алчное чудовище, — нѣтъ и не будетъ, пока не будетъ мудрствовать человѣчество по христіански. Не разумъ и не наука спасутъ человѣка, — спасающій одинъ Христосъ.

Вся права суть разумывающимъ и проста обрѣтающимъ разумъ — (Прит. 8. 2), а тамъ, въ человѣческомъ знаніи, много недовѣдомаго, бездна сомнительнаго и ничего опредѣленнаго, — ужели остановимся на этомъ полусловѣ, недосказанной, неполной мысли научнаго знанія? И во имя чего остановимся, въ силу чего довѣримся, зачѣмъ послѣду-

емъ? Мудрость міра безуміе предъ Господомъ. Говорятъ, это потребность времени, духъ вѣка, послѣднее слово научныхъ изслѣдованій,—пусть такъ, что же отъ того? «Истина дочь времени» (Баконъ) вотъ истина человѣческая! сегодня одна, а завтра—другая; кто поручится что завтра этоже слово не будетъ отжившимъ, и неявится новое, съ тѣми же правами,—слѣдовать ли рабски и за тѣмъ? Но когда же этому будетъ конецъ, куда заведетъ насъ она? И гдѣ эта желанная свобода, когда интересъ дня тяготѣетъ надъ мыслью, а «послѣднее слово,» ничего кромѣ новизны не имѣя за собою, увлекаетъ всѣхъ? Не пора-ли подумать о томъ, куда идемъ и гдѣ будемъ,—пора давно, даже поздно,—но лучше поздно чѣмъ никогда. *Если бъ вы были слѣпы, скажемъ словами учителя, грѣха бы вамъ небыло, нынѣ же говорите—видимъ; грѣхъ вамъ!* (Іоан. 9, 14).

Сергій Миропольскій.

Редакторы: Арх. *Теодосій. И. Арсентій.*

Свящ. *Ө. Никоновъ. М. Некрасовъ.*

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Іюля 12 дня, 1866 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.